

О. Н. ЛАРИОНОВА

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК ПУШКИНСКОЙ ЛИРИКИ

Максим Фаддеевич Рыльский — один из наиболее выдающихся советских переводчиков. В докладе на III съезде советских писателей А. А. Сурков в разделе «За высокое мастерство литературного перевода»¹ назвал его имя в числе лучших переводчиков Советского Союза и подчеркнул политическое значение работы советских переводчиков.

Деятельность Рыльского-переводчика развивается в тесной связи с его оригинальным поэтическим творчеством. Еще в конце 20-х и начале 30-х годов М. Рыльский обращается к переводам произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова. В 30-е годы, в период расцвета таланта поэта, увеличивается и его переводческая деятельность, которая является большим вкладом в дело обогащения украинской поэзии, украинского языка, в дело единения украинской культуры и культуры братского русского народа.

М. Рыльский переводит со многих языков, однако наиболее значительное место в этой области занимают переводы русской классической поэзии.

М. Рыльский перевел очень много произведений Пушкина, больше чем все украинские советские поэты. Непревзойденными являются переводы «Медного всадника», «Евгения Онегина» и сказок Пушкина.

Из пушкинской лирики М. Рыльский перевел элегии, политические стихи, торжественные оды, описательные произведения. Среди переведенных им стихотворений — «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье»), «Три ключа», «Я пережил свои

---

¹ См. А. А. Сурков. Задачи советской литературы в коммунистическом строительстве. «Правда», 1959, 19 мая.

желанья», «Сон», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Приметы», «Арион», «Кинжал», «Румяный критик», «Памятник», «Деревня», «К Овидию», «Кавказ», «Воспоминание» и др.

В 1943 году в статье «Переводы и переводчики» Рыльский писал: «Поэтический перевод должен звучать не как перевод, а как самостоятельное произведение»².

И действительно, большинство переводов Рыльского — это большая творческая работа. Вот пример перевода стихотворения «Три ключа»³:

В степу життя, безкрайньому й сумному,
Із трьох джерел судилося нам п'ять:
Літа безумні п'яняться в одному
І молодість хвилює і кипить;
У другому, під темний час вигнання,
Кастальський плин скрашає нам життя,
Та найсолодше джерело останнє —
Холодне і німотне забуття.

(стр. 63)

Такой перевод воспринимается как самостоятельное произведение. Однако его трудно назвать переводом. Это — *произведение, написанное на пушкинскую тему*:

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

(т. III, стр. 14)

Вольный в данном случае перевод Рыльского звучит по-пушкински, звучит прекрасно: по совершенству и цельности стиха его можно сравнить с вольным переводом Лермонтова из Гете «Горные вершины». Стихотворение Рыльского ярко и безупречно, хотя оно не передает полностью мысль Пушкина.

Удачны переводы таких лирических произведений, как «Деревня», «Сонет», «Я пережил свои желанья». В переводе «Деревни» Рыльский полностью воссоздает идейность произведения Пушкина. Как и в оригинале, в переводе отражены картины своеволия господ, резко контрастирующие с чудесной красотой природы русской деревни:

Я твій — люблю цей сад густий,
Де холодок і пишні квіти;
Купаються в воді кущів зелених віти,
І скирти на лугах, потік біжить дзвінкий.
Встають мені в очах картини ворухливі...

² Газ. «Литература и искусство», 1943, 29 мая.

³ Украинский текст пушкинской лирики цитируем по «Вибраним творам», т. I. Київ, Держлітвидав, 1953; русский — по Полному собранию сочинений, т. 1—3. Изд-во АН СССР, 1956.

И далее:

Тут панство дике та бездільне,
Глухе до стогону, чуже людській мольбі,
Гіркої долі плід, безчуже і свавільне
Лозою лютою привласнило собі
І пращу, і майно, і долю хлібороба,
За плугом не своїм, під канчуком панів,
Злидений раб іде, прикутий до ланів
Велінням панської жадоби.

(стр. 34)

Воссоздавая идейное направление произведения, Рыльский передает также ритм и интонацию пушкинского стиха.

В свое время переводил «Деревню» Михайло Старицкий. Поэт некрасовской школы, Старицкий привносил некрасовские мотивы и в свои переводы из Пушкина, «усилил» переводимые им строфы. В начале стихотворения «Деревня» Старицкий выпустил 14 строк (начиная со слов: «Я здесь, от суетных оков освобожденный»), желая таким образом усилить контраст между мирной пейзажной идиллией и картиной угнетенной жизни крестьян. Привносились размышления, шедшие уже непосредственно от переводчика:

Коли б мій глас здолав людські серця зрушати, —
Вогнем би їх спалив, і стрілами проняв,
За лемент, стогін, плач, за ті обдерті хати...
Але на марне зойк: кебети бог не дав!..

Хотя все эти добавления и изменения были продиктованы наилучшими намерениями, они, естественно, отдаляли перевод от подлинника. Сравнение перевода Рыльского с переводом Старицкого, который был, подчеркиваем, одним из лучших украинских поэтов-переводчиков второй половины XIX века, наглядно свидетельствует о том, как шагнуло вперед переводческое мастерство, насколько выше наши советские переводы тех, которые были выполнены в дореволюционное время.

В переводе стихотворения «К Овидию» Рыльский полно передает мысль Пушкина, его высокую культуру стиха, его четкий и яркий язык:

Шукаючи мене, крізь роки забуття,
Нашадок пізній мій у цім далекім краї
Близ праха славного самотній слід пізнає.
Покинувши сумну країв далеких сіль,
Прилине вдячлива моя до нього тіль.

(стр. 25)

Этот перевод — едва ли не один из лучших переводов Рыльского лирических произведений Пушкина.

К положительным чертам метода Рыльского относится и то, что он не отходит от языковых традиций XIX века и подчиняет свой словарь стилю переводимого произведения. В этом

преимущество переводов Рыльского над переводами некоторых других поэтов, которые нарушают стиль подлинника, как, например, Первомайский в переводе «Ворон к ворону летит»:

У ПУШКИНА:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит.

У ПЕРВОМАЙСКОГО:

Ворон ворону навстріч,
Ворон ворону навклич.

Неудачно начало перевода — «навстріч», «навклич», а продолжение еще неудачнее:

Да кобылка вороная.
Да хозаяка молодая.
(стр. 76)

Та кобилка ворониста,
Та хазаяка молодиста.
(стр. 74)

Строки Пушкина звучат ясно и просто, Первомайский же употребляет слова, которые не свойственны языку пушкинской эпохи, и этим нарушает стиль произведений Пушкина.

Переводя стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», Рыльский стремился полностью передать звучание стиха Пушкина, интернациональную идею «Памятника», «в котором Пушкин мечтает о том, чтоб его назвал своим «на всей Руси великой» «всяк суший в ней язык», чтоб он был «любезен» всему многонациональному народу России за то прославление свободы, которому было посвящено его, Пушкина, политическое стихотворение»⁴.

Перевод Рыльского в основном звучит адекватно оригиналу. У Пушкина: «И назовет меня всяк суший в ней язык». В переводе: «І нарече мене всяк суший в ній язык».

М. Рыльский усиливает приподнятость, применяя архаическую форму «нарече», которую Пушкин не употребляет. Однако она способствует правильной передаче торжественности, патетики стихотворения в целом. Перевод Рыльского воспроизводит самое главное — идейность произведения, чего не достиг дореволюционный переводчик этого же стихотворения М. Старицкий. Вот как выглядит вторая половина стихотворения в переводе Старицкого и Рыльского (стихотворение в переводе Старицкого называется «Надгробник»):

У СТАРИЦКОГО:

І любий буду тим я кривому
народу,
Що лірою в серцях я ласку
викликав,
Що в мій жорстокий час я
ухвалив свободу
І словом скривдженім сприяв⁵.

У РЫЛЬСКОГО:

І довго буду тим я дорогий
народу,
Що добрість у серцях піснями
викликав,
Що в мій жорстокий час прославив
я свободу
І за упалих обставав.

⁴ М. Пархоменко. Пушкин і Західна Україна. Львів, 1949.

⁵ «Літературний журнал», 1937, № 6, стор. 109.

Переводя произведение Пушкина, Старицкий делает ударение на словах «кровному народу» и тем самым ограничивает Пушкина рамками служения только русскому народу, что противоречит мысли, выраженной великим поэтом. При сравнении перевода Старицкого с переводом Рыльского мы видим, что советский поэт гораздо глубже проникнул в смысл важного для понимания творчества Пушкина произведения «Памятник», передал всю идейную глубину мысли Пушкина, проникнутой чувством дружбы народов. Перевод Рыльского — большой шаг вперед в сравнении с переводом Старицкого.

Рыльский много работал над усовершенствованием этого перевода, к которому, естественно, было привлечено наибольшее внимание критики, поскольку речь шла о стихотворении программном, о стихотворении-завещании. Строки: «Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа» Рыльский вначале перевел так: «Олександрійський стовп, у славі неборний, йому не досягне чола». Это было очень неудачно, ибо о какой «славе» Александра I можно говорить, как можно вкладывать слова об этом в уста Пушкина, который в других стихах высмеивал царя и присвоение им чужой славы в событиях Отечественной войны 1812 года. Под влиянием критики поэт изменил к лучшему это место перевода: «Олександрійський стовп, в гордливості незборний, йому не досягне чола». Точно так же строка «і за упалих обставав» появилась взамен неудачного сначала перевода «і за провинних обставав». (Пушкин никогда не мог говорить о какой-либо «виновности» жертв самодержавия!).

В стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных» внутренние рифмы-анафоры: «брожу» — «вхожу» — «сiju» Рыльский в переводе заменяет начальными анафорами:

У ПУШКИНА:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ли в многолюдный храм,
Сiju ль меж юношей бездумных,
Я предаюсь своим мечтам.

(стр. 133)

У РЫЛЬСКОГО:

Чи серед вулиць гомінливих,
Чи в людний увійшовши храм,
Чи в колі юнаків гульливих,
Я відаюсь своїм думкам.

(стр. 91)

Замена рифм-анафор повторением частицы «чи» является лучшим способом отразить суть образа пушкинского стихотворения и передать на украинском языке частицу «ль».

Несмотря на то, что еще Белинский писал: «В переводе из Гете мы хотим видеть Гете, а не его переводчика, если бы сам Пушкин взялся переводить Гете, мы и от него потребовали бы, чтобы он показал нам Гете, а не себя»⁶, Рыльский при переводе стихотворения «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» отходит от пушкинского текста. Почти каждая строчка у него содержит привнесение чего-то своего.

⁶ В. Г. Белинский. Сочинения, т. IV. СПб., 1896, стр. 771.

В данном случае он не последовал этому мудрому совету Белинского, и его перевод не воссоздает подлинника:

У ПУШКИНА:

Готовый век трунить над нашей
томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка
ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою
хандрой.
(стр. 187)

У РЫЛЬСКОГО:

Ти спів наш день при дні ладен на
посміх брати
За сум та жалощі. А йди но,
глянь сюди,
Попробуй, може б нас ти визволив
з біди.
(стр. 102)

И дальше:

Скорей! Ждать некогда! Давно бы
схоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нельзя
ли блажь оставить?
И песенкою нас веселой
позабавить?

Мершій! робота є, нема коли
чекати!
Чого ж ти хмуришся? Та ж геть
до біса смутки!
Давай веселощів та жартів нам
і шукот.

Это, конечно, не перевод, а создание нового стихотворения. «Та ж геть до біса смуток» не имеет ничего общего с пушкинским «Нельзя ли блажь оставить» или «жартів нам і шукот» — «шутки» в переводе на украинский язык это «жарти», — непонятно употребление одного и того же слова на украинском и русском языках, когда его нет в подлиннике.

Такому свободному обращению с подлинником можно противопоставить переводы ранее рассмотренных стихотворений «Деревня», «Памятник», «Кинжал», «Я пережил свои желанья», «Кавказ» и многих других.

В переводе стихотворения «Кинжал» Рыльский полностью воссоздает политически острое звучание строк Пушкина, в которых поэт прославляет кинжал, наносящий удар тирану:

У ПУШКИНА:

Где Зевса гром молчит,
где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и
надежд,
Ты кроешься под сенью трона
Под блеском праздничных одежд.

У РЫЛЬСКОГО:

Де Зевсів грім мовчить, де сплять
мечі законів,
Ти правий суд несеш і правий
гнів,
Таїшся ти в підніжжі тронів,
У згортках дорогих шовків.

И окончание:

Гроза бедой прсступной силе, —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.
(стр. 33)

Ти кару знов віщуєш силі, —
І на проречистій могилі
Кинжал без напису горить.
(стр. 21)

Здесь Рыльский адекватно передает оригинал.

Для переводов лирики и особенно политической лирики Пушкина характерно большое умение поэта-переводчика воссоздать всю образность, сжатость и идейную остроту мысли Пушкина-свободолюбца.

«Под влиянием классиков, и особенно Пушкина, которого любовно и мастерски в 30-е годы переводил Рыльский, его стих достигает предельной четкости, богатства реалистических деталей, яркости красок, — пишет С. Крыжановский. — Мастерство поэта особенно заметно в предметности, выпуклости зрительных образов, в богатстве строфики и ритмики, в словесной инструментовке, звукописи, а чаще всего в живописи словом. Прозрачность, точность и выразительность стиха в сочетании с бодростью мотивов и создают подлинную красоту слияния поэтического выражения с поэтической действительностью...»⁷.

Добавим к этому, что благотворное влияние пушкинской поэзии на творчество Рыльского продолжается и дальше, поскольку Рыльский все время работает над усовершенствованием своих переводов и входит, таким образом, все глубже в мир пушкинской поэзии и ее образов.

Переводы М. Ф. Рыльского являются ценным вкладом в дело развития украинской советской литературы и освоения ею русского классического наследия. Переводя произведения Пушкина, Рыльский воссоздает подлинник, правдиво сохраняет идейную направленность и художественную силу слова великого русского поэта. Некоторые отступления, о которых говорилось ранее, на фоне всей большой работы Рыльского незначительны и ни в коей мере не снижают ценности переводов.

Самый лучший перевод — это перевод, воссоздающий социальную направленность произведения, его идейность, стиль, ритм, интонацию, национальный характер, вообще все особенности подлинника с ориентировкой на максимально возможную текстуальную близость. И если Рыльский в отдельных местах отступает от текстуальной точности, то особая идейно-художественная чуткость, большое мастерство переводчика помогают ему не отходить от оригинала и учитывать конкретные особенности данного текста. Именно отличие главного от второстепенного в произведении и является характерным для Рыльского-переводчика.

---

⁷ С. Крыжановский. Максим Рыльский. Критико-биографический очерк. М., «Советский писатель», 1958, стр. 81.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961